

«Умножение хлебов в пустыне — образ того, как Отец наш Небесный постоянно поддерживает бытие и силы во всем живущем... Господь питает чудесно не только души, но и тела приходящих к Нему».

«Очень часто человек собирается в храм, но не идёт, потому что боится не успеть сделать важные дела. Евангелие убеждает нас, что если человек следует за Господом, оставляя всё, Господь не оставит его своей заботой, и все его дела устроятся, иногда даже чудесным образом. Такое доверие к Богу никогда не посрамляется... (Наст. Кн. Свящ. стр. 90, 91)

Мы помним выражение «ни хлебом единым жив будет человек», и видим из сегодняшней Евангельской притчи о насыщении пяти тысяч человек от пяти хлебов. Но этому чуду предшествовало ЧТО?.. Слушание-слышание слова Божия... Люди увлеклись сладкой благодостной речью, забыв обо всём бытовом... Ушли далеко, не рассчитывая на будущие обстоятельства (не взяв в запас пищи)..., и Господь, напитав их, вначале духовно..., напитал и телесно... У тех людей, скажем в кавычках — «диких и необразованных», но в большинстве своём простых и чистых сердцем — дух был главнее. Потом тело. В отличие от нас, «цивилизованных», и с упованием на Бога всё строилось — устроилось по правилу, по заповеди, данной ещё через Моисея.

Наше «прекрасное-светлое будущее» обещанное, точнее, его бесперспективное ожидание, извергло из жизни людей (на государственном уровне) Бога и всё Божественное. Но спохватившись, что человеку нужны идеалы, установили таковым идеалом — Труд. (Точнее и правильнее, наверное, будет слово не идеал, а Идол. Что такое Идол? Это бог, ложный, но которому будут поклоняться.) Чтобы это подать красиво, так сказать: «для подслащивания» пролетарского принуждения во всех его формах — «трудящимся был дарован праздник труда 1 Мая, являвшийся скрытой формой массового камлания идолу Труда». (Выражение Натальи Иртениной из статьи «Главный идол социализма». «Радонеж»)

И ведь срабатывало! И долго. А потом рухнуло, как по пословице: «Без Бога ни до порога». Конечно же, труд необходим. И он был всегда. Со времён Адама до нашей христианской истории. Труд был необходимостью, труд был плачем покаянным тоже, начиная от Адама. Труд был радостью о многих вещах, содеянных человеком, и об обрётённом Рае. Но поклоняться Труду, по меньшей мере, странно. Почему?.. Потому что

Труд, по христианскому мировоззрению, начался ещё в Раю. И он, труд, был творческий, созидательный, совместный...

Судите сами: «И взял Господь Бог человека (которого создал) и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Бытие гл. 2 ст.15).

И ещё: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

И нарёк человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» (Там же: стихи 19, 20).

Как видим, человек не только творчески трудился, он ещё и оказался со-трудником Богу. Так как же можно поклоняться труду, когда рядом виновник всему сотворённому, и только ему наипервейшая слава, и ему поклонение.

ИСПОВЕДАЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ

Читаю одну исповедальную записку. Вижу сходство со своими грехами и думается, что это общие наши переживания и сокрушения, и записываю, чтобы напомнить исповедающимся.

— Сокращаю молитвы и сплю на молитве, особенно на вечерних. Молитва моя не услышана...

— Какое уж тут «услышание», лишь бы вычитать. И то не всегда получается. Сон валит с ног. Конечно же, это не молитва, а вычитывание.

— А если не сон, то помыслы. Куда от них деваться? То есть молитва совершается с трудом, со скорбью, с понуждением и насилием над собою.

— Хочу, чтобы меня слышали, обращали внимание, хочу быть в центре — чтобы последнее слово было за мной. Повышенная значимость, при осознании своего несовершенства.

— Если устами молчу (знаешь, ведь о молчании, о полезности его, особенно в Великом Посте), то внутри — каскад речей, гляди того, прорвется. Мира нет. Раздрай душевный, отражающийся на ближних, на окружающих.

— Любви нет. Люблю и жалею только себя. Устала душа моя. Сил совсем нет.

— Неладно в отношениях с отцом. Он ругает меня, и поделом, а я, вместо того, чтобы согласиться с ним, смириться и послушать, оправдываюсь и доказываю свою правоту.

Так же и с домашними своими, и с коллегами на работе. Мира нет у меня в душе. Я его жажду — и не нахожу. А как можно его в себе иметь, если внутри — хаос и неразбериха? Я это понимаю. Но ничего сделать с собой не могу.

Грехи мои очень укоренились во мне: лень, лживость, желание комфорта. На работе вопросы задают по поводу поста или Православия. Вообще, спокойно и чётко, доходчиво ответить не могу. На их доводы всё вспыхивает у меня внутри, а вразумительного ответа дать не получается. Только наступает ощущение пустоты. А такая фраза, сказанная проходя: «Все вы, церковные, умученные ходите», — повергает меня в уныние. Я же понимаю, что христианин должен быть образцом, а от меня, выходит, что пример отрицательный. Они в храм не ходят, и не захотят пойти, потому что не видят убедительности, уверенности во мне, а видят раздражительность, обиженность, осуждение, спорность... ропот и жалобы на тяжелую жизнь.

Креста своего не принимаю и не несу.

— Уныние и отчаяние тоже грех, и поддаваться им опасно. Врагу нашему даже «наруку» довести человека до такого состояния.

— Не дай, Бог, как говорится, но что-то же вас держит в храме?

— Да, батюшка! Иногда в храме (Бывает и дома, но когда никого нет, мои родные — не церковные) молюсь и тепло на душе. Редко, правда, но это держит, тянет в храм, слава Богу, но опять же работа, семейные необходимости отводят.

— Старайтесь такое состояние хранить, не утратить. И помнить, что враг-запинатель наш, будет и дальше строить козни разного рода. И все ваши переживания и неудовлетворенность собой по поводу «доводов коллег», это, во общем-то, «норма» жизни христианина в мире, который Церковь Православную и Бога воспринимает неким фоном или отрицает вовсе, или придирается. Подчас с нелепым, несущественным вопросом — «доводами».

Не нужно «заводиться», нужно спокойствие и мир внутри нас. И, наверное, не на всякий вопрос-довод следует отвечать. Улыбнитесь и помолчите. Бывает это не хуже ответа срабатывает. Но так будет только тогда, когда у нас у самих мир в душе. Мир и молитва. Молитва настоящая — углублённая. Кто может «похвастаться» (ясно, что этим не хвастаются) сосредоточенной, богобоязненной молитвой, а не скороговорочным вычитыванием?

Об этом нашем общем, характерном для большинства грехом-недостатком сокрушается и настоятельно говорит известный богослов — миссионер и преподаватель Алексей Ильич Осипов. Для нас, священников, такие наставления звучат укорительно. Об этом священники и должны говорить. А на деле выходит, что мирской человек, хотя он глубоко верующий, учит, указывает на вопиющий недостаток, и священникам, тоже. Ну что же, должен же кто-то утверждать Божию правду.

— Вам не звонили с того света? А им звонили. Вы не верите?

— Не то чтобы не верю, просто я не задумывался над подобными темами и сам лично не слышал и не представляю себе, как такое происходит и как такое объяснить. Хотя ваш рассказ напомнил мне что-то подобное, так же не объяснимое-невероятное. У меня есть старый знакомый. В молодости мы дружили семьями. Профессия у нас была одна, работа общая. То есть мы достаточно много лет были вместе и всё знали друг про друга. Все семейные перипетии тоже. У него была жена, две дочки, на то описываемое время, лет шести и четырёх, больная мать лежащая и психически больной брат-красавец мужнина, вернувшийся с воинской службы. Кажется, он служил на подводной лодке, где получил облучение. Через каждые три-четыре месяца болезнь его обострялась, и его нужно было вести в соответствующую больницу. Брат — друг наш, жалел его и всячески оттягивал сроки. Но случался очередной кризис. Больной был тихий, но мог вдруг выйти из своей комнаты совершенно голый. А дочек не отвели в детсад по случаю карантина, а жена на работе, а друг ушёл за хлебом... И тут уж никаких отсрочек быть не может — вызывают «братцев», которые увозят на лечение...

Потом у друга начинаются дни посещения брата в больнице.

Однажды, перед тем, как собрав передачу, ехать в больницу, другу понадобилось устроить разбитую форточку. Он устроил и приезжает на свидание к брату. Прошло некоторое время, его подлечили и разрешили выходить в специальную для свиданий комнату. Брат идёт ему навстречу и первым словом говорит: «Ну устроил форточку?..»

Немая сцена...

Вчера отпевали известного старейшего Борского священника — протоиерея Валентина. Чин отпевания и мирского человека — значимый в каждом слове песнопения, а священника особенно. И в какой-то момент было ощущение, что он, отпеваемый, всё слышит и видит. И ответы, мо-

жет быть, уже получил, или на днях получит. Всё будет ясно! И никаких недоумений.

А для живых недоумения будут продолжаться.

СОВЕТ «ЕЛЕЙНОЙ» ПРИХОЖАНКЕ

Маску церковности-то сними и перевесь её с фасада вовнутрь. И там плачь и молись, а снаружи повесь «американскую улыбку», но под неё подстели внимание и жаление к окружающим тебя. А про себя про некую значимость свою забудь. И всё будет хорошо!..

РАЗГОВОР В ТАКСИ

Случайные досужие разговоры с бесконечными «почему» и «зачем». Разнотолки, кривотолки, упёртость во мнении, «даже до смерти». И хоть тресни, а жизнь продолжается и все идут своими путями. И Господь не посягает на свободу человека, свободу общества и целых народов.

Возьмите раскол — Русский раскол. Старообрядцы Никона считали «антихристом». Аввакум в своей уверенности правоты жизнь свою положил.

Всё что после «Никона», старообрядцы не принимают... и живут... и молятся, и, может быть, теперь уже понимают, наверное, что Никон никакой не антихрист, но ничего поделаться с собой не могут. И Господь ни их, ни нас не отвергает...

Или раскольник на Украине Филарет (Денисенко) сколько «намутил воды», сколько «православных» увёл и заразил идеей национализма... И с ними тоже ничего не происходит. Десятки лет бунтуют, и «процветают», и, хотя и не признанные, но «погоду в своей стране» портят, и Господь их не карает...

До времени?..

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ. ФРАЗЫ

«Ещё день прошёл...»

«Не надо никаких врачей, я тихо поживу». Хотелось переспросить: доживу?, но откуда ты знаешь, к кому ближе «край»?..

Через три дня будет полгода как матушка ушла. В ночь с 27 августа на 28-е, то есть в «Успенье Пресвятой Богородицы».

Надо съездить на кладбище — сходить на свидание... Там, конечно, сугробы, ещё не оттаяло...

25 февраля 2018 год

ДЕНЬ ПАМЯТИ ОТЦОВ СЕМИ ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ

Первый собор был в 325 году, седьмой в 787, в конце VIII века. Их, отцов, собиралось много и они решали вопросы веры — вопрос чистоты веры — истины, чтобы отсечь всякое умствование человеческое, всякую ересь... Руководствовались святые отцы Духом Святым (а не своими умозаключениями или эмоциями, как мы сейчас можем сказать). Всякий догмат, всякую установку-правило, они закрепляли и утверждали таким изречением: Изволися Духу Святому и нам постановить то-то и то-то. К примеру, составление-узаконение и неперемненное соблюдение — чтение Символа Веры, на двух соборах: первом в 325 году и втором в 381-ом.

Св. отцы семи Вселенских Соборов решали вопросы Веры, но не вопросы греха. Вопрос греха решает или не решает всякий человек сам

(потому и появляются всякого рода измышления). Человек, поддавшийся греху, пренебрегает Духом Святым и руководствуется своим мнением... Так появляются ереси: к примеру, взяли католические умники и внесли в Символ веры свою вставку: «Дух Святой исходит от Отца и Сына». Проверить это никто не может, но святые отцы нам такое не оставляли, а они, как сказано, руководствовались Духом Святым, и заведывали не искажать. Православные не исказили...

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ

16 ноября. Вечер. Выставочный зал в Нижнем Новгороде. Юбилейная выставка художника Альберта Данилина...

Встретились с Юрием Ивановичем Чувашевым, известным преподавателем из Полиграфического столичного института, друга о Вячеслава Савиных и многих нижегородских художников. Перекинулись несколькими словами о болезни и операции отца Вячеслава, и разминулись — ему нужно было слово сказать о юбиларе. Потом продолжить не получилось...

Много знакомых лиц, постаревших, вместе со мною. Встретились с супругами Рекиными, с Инессой Сафроновой, два слова о «Революционных холстах» ее отца — Виктора Алексеевича Сафронова... Говорить все меньше и меньше есть о чем.

С портретами ушедших «разговор содержательнее», или с хорошей страницей честного писателя...

А может причина в том, что ты сам совсем одичал? И не услышал паузу, и во взгляде не увидел вопроса? И значит, сам виноват в отчужденности...

По поводу выставки. Работы Данилина не спутаешь ни с чьими. Но в этот раз надеялся увидеть «прорыв». И не увидел. Его крепко завязанные колористические находки никак не прорвутся «небом, которое создал Творец». Ни в одном холсте так и не проявилось. Или у них в Сеченове небо только «охристое и коричневатое» (формально сложно замешанное и по своему интересное, но формально). Поначалу показалось, что Альберт не читает Евангелие, но выйдя в коридор, увидел «Омовение ног» (его работы). Порадовало, что «значит, читает», и разочаровало, что «европейский дух» подачи, трактовки и тут побеждает... Вспомнились карикатуры советского периода польского художника (кажется Эйфеля), где он изображал Творца-Создателя, «как видел», т.е. как не признавал и шутил, и советская молодежь вместе с ним. Время было безбожное, и в Европе «это время» выходит, что началось раньше. Но мы продолжаем взирать на Европу и подстраиваться. Они изгнали Христа, и мы не очень почитаем. Опять же формально, кто-то увидит в работах Данилина «новизну», но мне кажется, русскому православному человеку, надо бы «посочувственнее» относиться к Христу, а то уж сильно мы становимся похожи на иллюстраторов журнала «Фома» (но в журнале это еще как-то можно оправдать), тоже идущих «европейским путем».

Мы забываем или стесняемся таких художников, как Виктор и Апполинарий Васнецовы, Нестеров, Поленов и еще Васнецов, не помню имя, таких как Библибин, и подражаем «не своим». Получается «новый прорыв» в «старое начало», и это разочаровывает.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Мир вам, дорогие женщины, наши прихожане и все знаемые, которых мы помним и которые посещают нас, здесь на окраине города Бора.

Мы с вами хорошо усвоили, что Жены-Мироносицы на все века остались и остаются для нас высочайшими образцами христианской лич-

ности, образцом любви и жертвенности ко Христу, Апостолам и всем окружающим их людям. А ещё мужеству и убежденности в вере Воскресшему Христу — Сыну Божию. Один факт явления Марии Магдалины к римскому императору (не христианину), сообщившей ему благую весть о Воскресении Христа, характеризует-приравняет её к апостольским мужам... Какой надо быть решительной, любящей и радующейся о Воскресшем, и её (лично) Спасителе-Учителе и Христе, чтобы пойти в другую страну и заявить императору (в общем-то завоевателю их страны), с восторгом о необыкновенном чуде: Христос Воскресе!..

Итак, Жены-Мироносицы являются для нас недостижимым, ярким примером для женщин-христианок, для всякого христианина. А на фоне их святости и преданности Христу мы можем сверять свои поступки, свое поведение, как в приходе, так и в окружающем нас нецерковном мире... И надо признаться, что выглядим мы (на их фоне) весьма неприглядно, мелочно и не любовно.

Вот образчик такой неприглядности: «Опять, батюшка, столкнулась с тем, что мы не любим друг друга (речь идет не о супружеских отношениях, а внутри приходских — Е.Ю.), не поддерживаем, не терпим...»

А как же Евангельская заповедь? И вроде мы все прихожане одного храма, и все идем на Причастие.

«Я, батюшка, все больше думаю о прочитанном в Евангелии, что ад начинается на земле. Где же настоящие христиане? Не хочу я с ними общаться. Может, я сама запуталась? Как мне из этого леса выбраться?»

Весьма неприглядно...

«...Столкнулась с тем... что мы не любим». Не я не люблю, а они. Я-то хорошая! Да ещё и вдобавок: «идём на Причастие...» (из одной Чаши) и «не хочу я с ними общаться...»

И чувствуем, что запутываемся, и говорим: «может, я сама затуманилась?» Определенно: «затуманилась». Ладно хоть слегка вздыхаем: «Как мне из этого леса выбраться?»

Про то, как выбраться, пока не знаю. А вот сравнить-вспомнить Жен-Мироносиц как раз кстати. И увидеть свою (нашу) необразованность, никчемность на их фоне.

Или вот пример другой — наш современник, умерший 15 лет назад (его одна почитательница, назвала «Апостолом любви») митрополит Антоний Сурожский. Он был и внимателен, и бесконечно требователен к себе, к своему поведению, к своему служению Богу и людям, к всякому человеку так или иначе встреченному на своем пути, на своем поприще служения. Какой бы вопрос он не ставил, чтобы ответить на него, или какой бы вопрос не задавали, он тщательно его разбирал и преподносил предельно ясно.

Вот он говорит: О СЛЫШИИИИ (запись 1973 года).

«Есть слово в Священном Писании: обращайте внимание на то, как вы слушаете... Как слушаем мы? Как слушаем мы друг друга? Как слушаем мы голос нашей совести?»

Как слушаем мы слово Самого Бога?

Мы друг друга слушаем поверхностно, невнимательно: нам порой бывает страшно услышать то горе, которое звучит в произнесенных словах; нам бывает страшно вслушаться в человеческую речь, потому что услышать — это значит отозваться и не только на одно мгновение, а сердечным трепетом; не мимолетной мыслью, а отозваться навсегда: как Христос отозвался на человеческое горе и ужас обезбоженности и стал Человеком навсегда.

Мы боимся слушать именно из-за этого, и мы не умеем друг друга встретить, и потому наши отношения остаются поверхностными — завязываются и распадаются...

Так слушаем мы и голос нашей совести: мы не внимаем ему, мы не хотим слышать каждый её упрек или каждое её внушение... Нам и тут страшно, и мы слышим только то, что хочется, а остальное забываем и

проходим мимо себя самих, мимо того, что мы знаем о жизни, о себе, о людях; вместо того, чтобы вырасти в полную меру возможностей, чтобы быть всем тем, чем мы можем быть, мы мельчаем и изуродуываемся».

Слова правильные и обличительные. Мы теряем бдительность и ведем себя легкомысленно.

Ещё меня тронули-напомнили (в общем-то, известную установку) и поразили слова митрополита Антония, сказанные видимо, после хиротонии новопоставленному иерею, или, может быть, его, священника, первой самостоятельно совершённой Божественной Литургии: «Вот, видишь брат и сослужитель. Христос доверяет тебе и ставит тебя на место, на котором стоять может только Он Сам»...

Эти слова говорит в интервью, как воспоминание, тот самый священник, но теперь уже в зрелом возрасте и с опытом служения Церкви, в какой-то памятный день о своем епископе. И не покидает ощущение, что он их не только проговаривает, но и руководствуется, служа у Престола Божия... А то умение кратко и значительно донести до ума и сердца (в данном случае новопоставленного священника) действует и ныне на «постороннего» слушателя. Действует и впечатляет до содрогания: а ты сам всегда помнил этот образ стояния на месте, где Господь Сам стоит и совершает? Сколько было автоматизма и привычки, вместо трепета и умиления?..

Владыко Антоний, благодарю тебя за сердечную встряску, действующую через твое слово — через года и расстояния.

ВСЕГДАШНЯЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

«...печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, и печаль мирская производит смерть». (2 Кор. 7, 10)

Замечаю за собой в последнее время, что о чем бы ни говорили, чего бы ни слушал, даже самых знатных ораторов, в мыслях параллельно идет тема смерти вообще... Как будет, что будет, что надо делать?.. Спасаться! Как спасаться? Что-то читать? Литература есть, но ее не всегда хочется находить, потому что помнишь, что там многословно и странно, и вряд ли будет осознанно и «принято», как к тебе относящееся.

А вот на днях (Пасхальных) за еще праздничным столом, при встрече с молодыми людьми, любимыми по-отечески, был задан мне вопрос: «Отец Евгений, а вы боитесь смерти?»

Внешне он был неожиданным (скорым), значит, у человека он, вопрос, был «наверху», занимал-беспокоил. Я сделал короткую паузу, сказав: «Тебе сколько лет?» «36!» «Нормально, — говорю, — у меня в 35 не только вопрос такой возникал, но и сама опасность, испуг были. Не то, чтобы я ощутил «ее», нет, было крайне тяжелое переутомление. Я не мог работать (мучился постоянными головными болями) и мне коллега, старшая по работе и опыту, посоветовала идти к «правильному» врачу. Я это сделал. Врач дал мне на месяц больничный — без всяких пилюль и уколов. Я спал и спал (необыкновенно много), изредка выезжая (с Бора в Нижний Новгород) к нему на консультацию. А когда мне немного полегчало, я нашел (или мне подсказали) в Библии, как израильский царь Езекия смертельно заболел и молился, плакал к Господу Богу, чтобы продлились ему дни жизни. И Господь ему прибавил 15 лет... Я тогда ту историю применил к себе — как мог плакал, молился... И мне тоже прибавились дни. Необыкновенно и неожиданно много... Так что сегодня я не имею права никакого просить о прибавке, хотя твердо знаю и боюсь, что ни «сию минуту», ни «сей день» не готов предстать перед Страшным. Как говорят: но я еще и тем согрешаю, что не ощущаю этой страшности перед Судией и Владыкой».

Ответ был неполный и совопросник ждал продолжения, а я чего-то яркого и убедительного за собой не припомнил. Так, по мелочам: боюсь удушья, тесной бетонированной каморки, и при этом (если, вдруг, как в кино или в книге, в частности в «Отец Арсений», там такой «бункер» был) бунта против обстоятельств и значит, против Бога. Боюсь. Значит грехов море — напрочь забытых. Все это расплывчато и невнятно — нужен еще какой-то пример. Вспоминаю рассказ врача, лечащего видного священноиерарха, у которого было большое сердце, но жизнь была переполнена служебными и хозяйственными программами. Когда сердце не выдержало и «завонило», то человек буквально взвыл — кричал на весь свой довольно просторный дом. Но врач оказался не в силах и помощь не сработала. А больной был сильный духом, прошедший школу жизни сполна. Но, видимо, когда «она заходит», чтобы поставить «точку», то ни мужество, ни волевой характер не срабатывают, человек кричит то ли от невыносимой боли, то ли от «страшности», хотя и предполагаемой, но всегда «неожиданной» встречи...

И мы все в большинстве своем знаем, вспоминаем, рассказываем друг другу подобные случаи, но применить к себе вряд ли сможем... Знаем только, что надо каяться... Может быть, этого достаточно, чтобы лишний раз насторожиться и призвать самого себя к внимательности по такому каверзному, но необходимому вопросу.

Итак, параллели. Вот они и через слова и образ Антония Сурожского продолжают. Удивительно! Человек всю жизнь отдавший служению Богу и людям, воспитанный и образованнейший интеллигент, всегда анализирующий свое поведение, постоянно заботящийся и помогающий своей пастве, в лице любого прихожанина или объявившегося новичка, казалось бы, должен «оценивать» свое достоинство (как старший, как митрополит, возглавляющий Церковь), вдруг при прощении с близким по духу человеком (своей духовной дочерью) говорит: «Помолись и ты обо мне, чтобы мне Человеком быть...»

Вот это да! Такое понимание! Такое смирение. Такая оценка... Конечно же — на фоне Христа. Конечно же — представ перед Ним.

НАШЕ РАССЛАБЛЕНИЕ

Примером собранности, сосредоточенности и требовательности, прежде всего к самому себе, является для нас наш современник, митрополит Антоний Сурожский (1914-2003). Он немного не дожил до 90 лет и до конца дней своих — и в старости, и при болезни смертельной — следил за своим духовным состоянием. Незадолго до смерти он, обращаясь к пастве своей (а благодаря своей духовной дочери из России, Валентине Матвеевой — она создала фильм о нем) и к нам: «Я стою перед судом своей совести, вспоминая очень страшные слова Христовы, что от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься. Стоя перед страшным судом совести, хочу хоть напоследок измениться, исправиться, покаяться, стать хоть сколько-то тем человеком, которого я изображаю в проповеди, в лекции, в Богослужении». Это значит «стать тем человеком», явление которого будет перед Христом-Судией, т.е. истинным человеком (не каким его видели и знали).

«От слов своих оправдываешься и от слов своих осудишься»... Конечно же, такое напоминание касается прежде всего священника, затем, наверное, учителя, писателя, юриста, и далее любого человека, говорящего «на публику», осуждающего...

Мне запомнился этот кадр из фильма. Я слышал эти слова, и вспомнились мне дни начальной моей священнической жизни, когда говорил возглас или читал проповедь, к которой старательно готовился. Но «прослушивалась», голосом совести, глубоко сидящая страстишка тщеславия, которую тогда и в расчет не брал. Сейчас, в старости (как и митрополит

Антоний), разбираю, осмысливаю, что старание приготовить проповедь, может быть, оправдывает, а подача слов, в возгласе, в произношении осуждает-осудит, так как грех тщеславия и превозношения, вдруг, да просочились, или «отсебятина» какая сказалась.

Такая опасность духовная всегда может иметь место, как у священника, так и у любого человека-христианина, обязанного следить за словом своим, сказанным или написанным...

Бывает в исповедальных записках, где человек вольно или невольно выдает себя (умалывает грех свой, или показывает незнание или поверхностное знание Евангелия). Если кто из вас узнает себя-свое, не думайте, пожалуйста, что я намерен обвинить, обличить, раскрыть грех. Нет. Это делается лишь только потому, что есть в том или ином исповедании общность наших размышлений, общность несовершенств и грехов. И указывая тот или иной «наш промах» — грех, мы находим, подкрепляясь авторитетами, подкрепляясь мыслями святых отцов, правильное суждение.

Вот пример. Человек выражает мысль: «Батюшка, я все больше думаю о прочитанном в Евангелии, что ад начинается на земле. Где же настоящие христиане?»

Батюшка не совсем усваивает, о каком евангельском тексте говорит человек, но старается расширить мысль. «Ад начинается, конечно же, на земле, но если поточнее, то он начинается там же, где и «Рай» (Царство Небесное). Об этом четко в Евангелии говорится: «Из сердца исходит...». То есть в душе — начало. И причем в одном и том же сердце может быть «рай», а через пару минут там же может оказаться «ад», достаточно вспомнить евангельское место, когда Христос говорит о предстоящем Ему Голгофском пути, а апостол Петр «угovarивает» Его не «идти так», отказаться. Господь-Христос называет Петра сатаной. Это ли не «ад» в сердце апостола? Не говоря уже о факте: отречения Петра.

Следует видеть нам из этого примера, во-первых, не обижаться на резкость выражений, иной раз, батюшки или духовника, или старца, а во-вторых и главное — тот «ад», который всегда наличествует в наших душах, просвещать Светом Христовым, «высветляя», выживая, изгоняя тьму адскую оттуда — из сердца. Это и есть труд души. Постоянный. В противном случае «ад» будет на земле души твоей, моей, душ наших.

И если мои слова недостаточно убедительны, то митрополит Антоний подкрепит своим пронизывающим словом. Он говорит, что в общине должны быть «единство и согласованность». Это как предварительное условие, при котором может присутствовать Бог, Божия сила и благодать. Но такое, скажем так, бывает не часто... И митрополит приводит слова апостола Павла, сказанные своим современникам: «Увы, среди нас бывают разделения!.. И эти разделения губят то единство, которое могло дать Богу место, дало бы Ему возможность действовать.

Нам надо задуматься об этом очень внимательно, потому что, по естественной склонности, мы не можем любить всех и каждого; нам очень трудно понимать друг друга; нам очень трудно нести тяжесть другого, выносить друг друга; нам кажется почти невозможным разделить грех другого человека как свой собственный.

Бог не отвергает ни одного из нас. Бог стал одним из нас ценой воплощения, ценой, которую он заплатил по любви к нам. И не по любви к праведным — Он ведь сказал, что не здоровые нуждаются во врачах, но больные; Он пришел, чтобы с тем самым грешником, с тем самым невыносимым человеком, которого мы отвергаем, с кем мы в раздоре, разделить не только нашу общую человеческую природу, но и судьбу, и муку, и бремя. Недаром Исаия, говоря о Христе, пророчески сказал, что на Нем лежала тяжесть греха всего мира.

Задумаемся над этим; потому что если мы хотим стать тем, чем мы не являемся; христианской общиной, общиной людей, которые горячо, если нужно жертвенно, друг друга любят, чья любовь готова быть распя-

той, то мы очень многому должны научиться в наших отношениях друг с другом. Как можем мы поднять глаза на Распятого, если мы не готовы в сочувствии и сострадании, стать заедно друг с другом? И как мы можем представить Богу, который по любви к погибшему отдал Свою жизнь, если мы отвергаем тех, за кого Он умер, отверачиваемся, хотели бы исключить их из своей жизни, потому что так просто было бы жить с теми, которые не представляют для нас проблемы? И поступая так, мы становимся чужими Богу: не Его действием, не действием кого-либо вокруг нас, но по собственному свободному выбору, потому что тех, ради кого Христос жил и умер, мы принять не можем.

Задумаемся над этим и будем побеждать в себе всё, что мешает нам быть заодно с Богом, и через это единство с Богом принимать друг друга даже ценой нашей собственной жизни. Аминь». (Антоний Сурожский. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Клин, 2010 г. Стр. 171. «О несении тягот друг друга». 15 мая 1988 г.)

Такая вот высокая планка. Такая длинная цитата. Могли бы и сами прочитывать. Если вы так подумали, то совершенно правы.

Когда-то я достаточно часто пользовался высказываниями уважаемого и почитаемого священноиерарха. А ныне подзабыл, и вдвойне радостно, что только что прочитанные его мысли подготовила, обозначила страницу для меня, одна из прихожанок. Она книгою постоянно пользуется и, значит, мы все с вами можем непрестанно учиться, образовываться, становиться христианами — «стать Человеком»!

«Помолись и ты обо мне, — говорил он на прощание со своей духовной дочерью, — чтобы мне быть Человеком». Имея ввиду того «человека», какого ожидает от него (от нас) Христос... Истинного! А не того, кем мы казались в этой жизни...

Прочитав такое, можно сильно задуматься и начать анализировать свое душевное состояние. Мы можем ненавидеть целые системы (коммунистическую, капиталистическую и ещё какие-то), мы видим из истории нашей, что «белые молились», а «красные проклинали». И как возможно уразуметь в этом спасительную миссию Христа? Уму моему такое непостижимо.

Митрополит Антоний, видимо, это прошел, перестрадал, возлюбил мир (возлагая непонятное, «неподъёмное» на Суд Божий), и вышел на последнюю прямую, встав перед судом совести, перед Судом Божиим.

Другой проповедник (совсем молодой) говорит, перефразируя отцов: «Всякий человек (и самый грешник) — это бездна, на дне которой лежит «образ Божий»... и ради него тоже распялся Христос, а мы его и проклинаяем».